

УДК 616.9 (476) «17»

**НАБЛЮДЕНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПОЛОЦКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ КНИГИ ПОЛОЦКОГО МАГИСТРАТА ЗА 1676 г.)***д-р ист. наук, проф. Д.В. ДУК**(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Книга Полоцкого магистрата 1676 года описывает события возвращения Полоцка в состав ВКЛ и Речи Посполитой после войны 1654–1667 гг. Прошедшая война в значительной степени наложила отпечаток на повседневную жизнь города, многие городские территории были заброшены. В книге представлен ряд документов, связанных в той или иной степени с событиями прошедшей войны: это и бесчинства военных людей, и низкий моральный облик некоторых из них, и свидетельства пожарниц некогда развитых и богатых усадеб, и запустения садов и огородов на Заполотском и Кривцовом посадах, а также память про высылку ремесленных людей с их дорогостоящими инструментами и станками в столицу Московского царства. Вместе с тем очевидно, что жизнь в послевоенном Полоцке продолжалась в соответствии с «правом магдебургским» и законами развитого торгово-ремесленного центра ВКЛ.

Ключевые слова: *Книга Полоцкого магистрата, история Полоцка, магдебургское право, история повседневности.*

Введение. Материалы текущего документооборота Полоцка XVII в. наиболее полно сохранились в составе 5-актовых книг магистрата. Эти книги представлены в фонде 1823 «Полоцкий магистрат» Национального исторического архива Беларуси (далее – НИАБ). Книга Полоцкого магистрата 1676 года, воспроизведенная и обработанная Максимом Макаровым, Денисом Лисейчиковым и Андреем Латушкиным, под научной редакцией Томаша Кемпы, была опубликована в 2020 г. [11].

Книга Полоцкого магистрата 1676 г. описывает события по возвращению Полоцка в состав ВКЛ и Речи Посполитой после войны 1654–1667 гг. Прошедшая война в значительной степени наложила отпечаток на повседневную жизнь города, и в текстах документов неоднократно упоминается «спаление московское» города Полоцка¹. Многие городские пляцы «впусте лежали», особенно что касается периферийных территорий Великого посада в его северной и восточной частях. Некоторые пригородные поселения Полоцка, такие как Пшесмужки, еще не были настолько заметны в социально-экономической жизни города, как несколькими десятилетиями позже, а их жители еще не назывались полоцкими мещанами. В целом мы видим ряд дел, связанных в той или иной степени с событиями прошедшей войны: это и бесчинства военных людей, и низкий моральный облик некоторых из них, и свидетельства пожарниц некогда развитых и богатых усадеб, и запустения садов и огородов на Заполотском и Кривцовом посадах, и память про высылку ремесленных людей с их дорогостоящими инструментами и «варшта-тами» в столицу Московского царства. Вместе с тем очевидно, что жизнь в послевоенном Полоцке продолжалась в соответствии с «правом магдебургским» и законами развитого торгово-ремесленного центра ВКЛ.

Оговорим особенности воспроизведения фрагментов текста документов магистратской книги. При авторском переводе с польского, на котором написано подавляющее число документов, все встречающиеся термины в прямых цитатах нами выделены курсивом, выделенным терминам даны пояснения.

Топографические наблюдения. Упомянуты в Книге полоцкие замки – Верхний и Нижний, однако эти упоминания единичны и блекнут на фоне количества упоминаний посадской территории. Судя по записям, мещане и кушцы полоцкие по-прежнему предпочитали жить на правобережных посадах – Великом и Заполотском. Кривцовый левобережный посад по-прежнему имел статус «слободы Бельчицкой экономии полоцкой» [11, s. 497]. Великий посад был градообразующим и имел наиболее развитую уличную сеть: здесь располагалось порядка двух десятков улиц и заулков [6, с. 178]. Характерно также, что упоминание двора на Верхнем замке в книге встречается единожды, все упоминаемые дворы располагались на территории посадов, в том числе и на территории вблизи Верхнего замка: «на *Подзамчице* в месте *Полоцком* ... тылом к замку *Вышнему Полоцкому*, на котором *грунте* *домик* возвела своими собственными средствами» [11, s. 349].

В Книге упомянут ряд цвинтарей² на Великом посаде. Один из них – Вознесенский цвинтарь: «*грунт пустой* в самом месте *Полоцком* на улице *Ильинской* с одной стороны возле *цвинтаря Вознесенского*, а с другой возле *дома* пана Стефана Гавриловича, *свечника*» [11, s. 316]. Таким образом, Вознесенская церковь достоверно локализована вблизи улицы Ильинской на Великом посаде (по данным ревизии 1552 г. и инвентаря 1618 г. данная церковь упоминалась безотносительно топографической привязки «на улице на посаде» [6, с. 80–81]). Другой цвинтарь располагался при церкви Святого Ильи. В деле о продаже дома полоцкого бурмистра Даниэля Михневича указано: «продали *дом со строением* на полтора *пляцах* среди *огородов*, расположенный на *улице Ильинской*, с одной стороны пана Румянцевича *дом*, а с другой стороны *грунт* тех же панов Мишневичей прямо напротив

¹ Например: «той *будынок* на том *грунте* ... со всем *местом Полоцким* сожжен был ... во время *войны московской*» [11, s. 514].

² Цвинтарь – устоявшееся в Полоцке и городах ВКЛ название кладбища при церкви.

цвинтаря Ильи Святого, будынок с улицы изба белая с коморой³, с печью, с окнами большими остекленными и пекарней. На другой стороне гумно⁴, лазня⁵ и стайни⁶ две, и пивница⁷, огород один засеян овощами, а другой коноплей» [11, с. 298]. Церковь Святого Ильи также достоверно локализована вблизи улицы Ильинской на Великом посаде (как и Вознесенская церковь, по данным ревизии 1552 г. и инвентаря 1618 г. церковь Святого Ильи упоминалась безотносительно топографической привязки «на улице на посаде» [6, с. 80–81]). Третий цвинтарь упомянут при церкви Святого Покрова: «тут в месте Полоцком за парканом местским на улице Великой недалеко от цвинтаря Покрова Святого от улицы Великой до улицы Малой, которая напротив улицы Вознесенской идет от места» [11, с. 477]. Особо отметим, что здесь на текущий момент приведено самое раннее упоминание церкви Святого Покрова с обширным некрополем при ней. Данная церковь в перестроенном виде существует и поныне. Четвертый цвинтарь располагался на улице Рождественской: «грунт на улице Рождественской, идучи той улицей от цвинтаря Рождественского до улицы Великой в дол к жидовской школе и к реке Двине» [11, с. 454]. Данная запись весьма любопытна по ряду причин. Во-первых, здесь впервые в известных письменных источниках упомянута хорошо известная по документам XVIII в. улица Рождественская, которая вела вдоль Верхнего замка мимо бывшей церкви Рождества Христова⁸. Во-вторых, из записи следует, что кладбище по-прежнему функционировало и после разрушения церкви. В-третьих, довольно точная локализация позволяет соотнести улицу Рождественскую с трассой улицы, название которой в более ранних источниках не приводится и которая ранее на плане-реконструкции обозначена нами как улица без названия [6, с. 87, мал. 37]. И, наконец, упоминание расположения еврейской школы соответствует ее расположению по документам XVIII – XIX вв.

Улица Рождественская соприкасалась с Воскресенской: «полчетверти пляца грунта голого ... на улице названной Рождественской лежащий на рогу улицы Вознесенской» [11, с. 453].

Из записей Книги можно почерпнуть важное наблюдение, касаемо расположения улицы Спасской. Совершенно очевидно, что данная улица имела прямой выход к Нижнему замку, что позволяет восполнить топографическую лакуну в ее графической реконструкции на плане Полоцка XVII в.: «дом ... тут в месте Полоцком на улице Спасской тылом к Замку Нижнему близко к рынку местскому стоячий на чверти пляца построенный» [11, с. 178]. Впрочем, расположение улицы Спасской сохранилось в неизменном виде и в XVIII в., о чем свидетельствуют данные ревизии 1765 года.

Улица Ильинская имела переулок, а улица Малая, которая предположительно вела вдоль бывшего парка Великого посада с востока, и граничила с огородами, располагалась напротив улицы Степановой: «два пляца огорода ... одной стороной к огороду славетного пана Андрея Кособуцкого, бурмистра полоцкого, прилежащие, а шириною от упомянутой улицы Выгонной аж до улочки Малой, которая идет напротив улицы Степановой» [11, с. 73, 117]. Эта же улица упоминается еще раз «от улицы Великой до улицы Малой, которая напротив улицы Вознесенской идет от места» [11, с. 478]. Таким образом, улица Малая действительно располагалась с внешней стороны вдоль парка и поворачивала напротив улицы Вознесенской в сторону от Полоцка. При этом улица Вознесенская упиралась в паркан и не имела «форты», как это показано на приведенном нами плане-реконструкции [6, мал. 37].

В книге упомянут район, вероятно, относящийся к Великому посаду, под названием «местность Куцуковского»: «грунту своего тут в месте Полоцком на вениу над рекою Двиною лежащего то есть в местности названной Куцуковского штaketником опаркованный⁹» [11, с. 236]. Упоминается и район Великого посада под названием «Плигавки», ранее нами ошибочно указанный на берегу реки Двины вблизи улицы Пробойной [6, мал. 37]. Очевидно, что данный район находился на северной периферии Великого посада: «грунту голого четверть пляца тут в месте Полоцком в Плиговках на самой последней улице названной Собачьей, с одной стороны возле грунта Василия Станиславовича Палахи, а с другой стороны на рогу заулка от той названной улицы Собачьей до реки Полоты» [11, с. 112]. Неблагозвучное название «последней» улицы полностью соответствовало периферийному расположению местности Плиговки. Улица Собачья действительно была последней, крайней к реке Полоте, улицей Великого посада. Эта улица находилась на северной его окраине и соединялась с рекой Полотой переулками, что красноречиво подтверждают и данные Полоцкого ревизии 1765 года, о чем речь пойдет ниже.

Бывший паркан как топографическая единица также присутствует в документах Книги: «пляц домовый от улицы Вознесенской аж до улицы Ильинской напротив паркана бывшего в самом месте лежащий», «грунт пляцов полтора за парканом бывшим и брамой Невельской недалеко от реки Полоты между рвами лежащий» [11, с. 97]. Посадский паркан фигурирует и в других документах книги: «огород мой тут в месте Полоцком за брамой Невельской за парканом на самом рогу улицы Выгонной Невельской ... в двух пляцах лежащий ... засеянный рожью» [11, с. 72].

³ В данном значении, вероятно, кладовая [9, с. 180].

⁴ Зернохранилище.

⁵ Баня.

⁶ Конюшня.

⁷ 1) пивоварня; 2) пивной подвал [9, с. 180].

⁸ Данная церковь хорошо известна археологам с XII века под условным названием «храм на рву», в XVI – третьей четверти XVII вв. именовалась Рождественской и была разрушена во время войны 1654 – 1667 гг. [6, с. 80].

⁹ Производная от названия «паркан» – обозначение посадских укреплений.

Заполотский посад имел свою уличную сеть, в XVII в. здесь располагались улицы Еглевинская, Заречная, Великая, Выгонная и Ермолов заулоч [6, с. 178]. Помимо этого, посад имел и ряд переулков, которые не носили устоявшихся названий и в документах приходилось прибегать к нумерации: «четверть *пляца грунта голого домового* в запустении будучим в *месте Полоцком* в *Заполотье*, идучи от *реки Полоты* в *пятом переулке*, а идучи тем *переулком* до *Выгонной улицы* к *реке Двине*» [11, с. 290–291].

Территория вокруг Великого и Заполотского посадов была по-прежнему окружена полями и огородами: «сеножать на четыре *пляца* ... тут в *месте Полоцким* за *парканом* в поле лежащая, между *улицами*, которые идя за *рвом перекопом* за *парканом бывшим*, одна напротив *улицы Спасской*, а другая напротив *улицы Боровой*»; «*пляц* на *улице Батечковой* на *рогу*, а при нем *огород* на *пляце* за *парканом* и *брамой Невельской* между *огородами* и *пляцами* других *мещан полоцких*»; «пришли на *Заполотье* к *дому* ее ... и вышли прочь из *дома*, но встретили ее на *улице с поля* идущей» [11, с. 331, 342, 515].

Местечко Кабак на левом берегу Двины располагалось на восточной стороне Кривцового посада недалеко от Борисоглебского монастыря. Перевоз¹⁰ возле Кабака успешно функционировал и после войны 1654–1667 гг., о чем свидетельствует соответствующая запись: «тут в *месте Полоцком* за *рекою Двиною* на *Кобаку* на *венцу* лежащий, с одной стороны возле *грунта* покойного Тараса Кошицкого, а с другой стороны на *рогу* *улицы* от *перевоза реки Двины* до *горы* идучи расположенный» [11, с. 318]. В силу специфики послевоенного времени некоторые «грунты» традиционно сельскохозяйственного предместья Кабак-Бельчицы были заброшены: «*грунт голый* тут в *месте Полоцком* за *Двиною рекою* на *Кобаку* над *ручьём* лежащий» [11, с. 187].

Упомянута в Книге и местность Пшесмужка «близко под местом Полоцким», которая в начале XVIII в. неоднократно упоминается наравне с полоцкими посадами [11, с. 199, 202]. Данное предместье находилось сразу же за Покровской церковью и обширным цвинтарем при ней на правом берегу Двины, к востоку от Великого посада. Напротив Пшесмушек, ниже по течению, простирался Кривцов посад с местностью Кабак-Бельчицы.

Термин «пляц» является стандартным обозначением определенного участка земли в белорусском городе XVI–XVIII вв. Синонимичное значение термина – «грунт». Разница между ними, по нашему наблюдению, заключалась в том, что «пляц» обозначал, помимо прочего, конкретную величину надела, размер которого мы установим ниже по данным ревизии 1765 г. «Грунт» же, как и пляц, выступал в значении определенного места, территории, на которой расположено недвижимое имущество, сеножать, огород, сад, но безотносительно конкретной меры, размера надела, которые бы подразумевались а priori: «имел *грунты* ... один – *дворище*¹¹ свое, второй – в *ряду резником* в *рынку* в *месте Полоцком*» [11, с. 279]. При этом именно пляц был мерой стабильной и неизменной: «*грунту* ... *мера* есть *полчетверти пляца меры ратушной* *звыклой*¹²» [11, с. 111]. В отношении части пляца равный его половине применялся термин «*пляцек*» [11, с. 283].

Отдельно стоит отметить общеупотребимое полочанами название Полоцкого иезуитского коллегиума как «*колеюм полоцкий*» [11, с. 279].

Средства перемещения. Основным средством перемещения товаров по Двине оставались струги, о чем свидетельствуют запись: «идучи со *стругом* из *Риги* в *гору*» (против течения) [11, с. 294]. В стругах перевозили различные товары, в частности вино (транзит из Риги в Могилев) или пшеницу из Чашник (по рекам Улле и далее – по Двине) [11, с. 255]. Впервые из всего обработанного массива письменных документов в актовой книге 1676 г. находим упоминание парома как средства переправы на так называемых «перевозах» реки Двины, в частности, перевоза, который находился напротив Бельчицкой слободы (Кабака) [11, с. 256].

Объекты недвижимости, мебель. Главным объектом недвижимости являлся дом. В Книге встречаются множество описаний дома, его составных элементов, главными из которых были сени и комора: «и где просила нас в свой *дом*, отомкнув *сени* и *избу белую*» [11, с. 515]. Напомним, сени – это часть жилого помещения, прихожая; комора, в зависимости от контекста, могла означать отдельную комнату или кладовую, чулан; изба выступала в синонимичном значении термину «дом» [9, с. 172, 174–175]. Далее в цитируемых оригинальных текстах мы будем давать комментарии употребляемых контекстных значений. Так, «на *Вознесенской улице* на *рогу* на *заулке* стоящий на двух частях четверти *будынок*¹³, *изба* и *сени*, в *сенях коморка*¹⁴, *будынок* новый, *пивничка*¹⁵, «*домок*¹⁶ свой на *улице Невельской*» [9, с. 487, 503]. Встречен термин «*халупа*» в значении «*изба*», а также «*сви-рен*» в значении «*кладовая, часть дома*» [9, с. 176, 183; 11, с. 491, 501]. Так, в ходе следствия был опечатан свирен «с *вещами* и *товаром* ... , однако с того *свирина опечатанного* выбрано и через *крышу* вынесено *меду* ... и иного *разного имущества движимого* ... еще не инвентаризованного немало» [11, с. 491]. Редкий даже для довоенного Полоцка тип монументального строения из кирпича и камня под названием «*каменица*» также упомянут в Книге: «на *каменице* тут в *месте Полоцком* на *улице Великой* стоящей, которую держал в *немалом долгу* мне *обязанном* от покойного пана Петра Розчевского, бурмистра *полоцкого*» [11, с. 72].

¹⁰ Название места переправы через Двину с оборудованной инфраструктурой: подъездом, паромной или иной системой переправы.

¹¹ В данном случае под термином «дворище» надо понимать «усадебу» [9, с. 180].

¹² Обычной, устоявшейся.

¹³ В значении «любые постройки, строения вообще» [9, с. 167].

¹⁴ Маленькое помещение, кладовая.

¹⁵ Небольшой погреб для хранения хмельных напитков.

¹⁶ Небольшой дом.

Наиболее распространенным видом мебели и частью интерьера дома являлся стол. За столом сидели за едой, составляли документы [11, s. 321, 456, 507].

Большой интерес представляет детальное описание такого объекта недвижимости, как пивница. Приведем фрагмент документа осмотра остатков старой пивницы возле жилого дома полоцкого еврея Шмойлы Бенишовича полностью: «В том доме на подворье *яма* большая на постройку новой *пивницы*, выкопанная возле *грунта* его милости пана Лосовского, где и перед тем на том месте *пивница* была. После сгорания на том месте *дома* и *пивницы* виднелись недогоревшие *брусы пивницы* на участке, т.е. *стена продольная* с виду целая, а лежали те *брусы* возле *грунта* его милости пана Лосовского возле самой *межи*, а верхние *брусы* совсем сгорели и в уголь превратились. А затем они же ... измерили *шнуром* ширину его *дома* с *улицы Великой*, начав от угла и угля той старой *пивницы*, от *межи* и *грунта* Лосовского, *шнуром* аж до угла самого того *дома* до *заулка Францисканского* устроили обмер *грунта* под строением: на переход обратный оказалось ширина сажней семь и пяди три» [11, s. 312]. Таким образом, в зависимости от длины сажни (176 см или 188,125 см) и длины пяди (19 см или 23 см) ширина дома с учетом округления была от 13 м до 14 м [1, с. 478, 536]. Однако не исключено, и наиболее вероятно, что за основу надо принять применявшуюся издревле на Руси и в Московском царстве XVII в. простую сажень, равную 152 см [7, с. 86]. В таком случае получим размеры около 11 м.

Бровар¹⁷ упомянут единожды в контексте дела о краже: «тайным способом из *ниши бровара котел горелочный* ... взял» [11, s. 484]. Упомянута в Книге и «одрина»¹⁸ как временное жилье: «в *одрине*, где сам жил после пожара в *доме* своем, в которой *одрине* видели *скрыню* отбитую... в той *скрыне* были *пенязи золотых* триста и *ложек серебряных* восемь, ... *цыны*¹⁹ и *серебра* ломаного различных *вещицек*... *жита сжатого* в поле было двадцать *коп*, которые в ночи были взяты и к себе увезены, а *копа* каждая давала до *полубочки*» [11, s. 269].

Приведено в Книге и достаточно подробное описание обустройства ворот к мещанской усадьбе: «*место домовое* пол *пляца* лежачее на *венцу реки Двины*, *опаркованное* вокруг, с *большими воротами с форткой*²⁰, в *фортке* замок *нутряной* и с *завесой железной*, в середине возведен *зал с крыльцом*, а в *воротах* *гвозди большие железные побеленные* и *завесы железные*, в *огороде* том разные *посадки фруктовые* кроме *ярыны*²¹ *засеянной* и *пчел*» [11, s. 236].

Отдельные документы наиболее полно характеризуют обустройство городского рынка, который располагался на месте нынешней площади Свободы возле ратуши. Рынок был огорожен, имел несколько рядов, главным из которых был «ряд Великий». Вход в Великий ряд вел через большие ворота: «*полкрамы местской* в *ряде Великом* возле самых *ворот*» [11, s. 286]. Также по данным магистратской книги можно судить о размере отдельных торговых лавок: «тут, в *месте Полоцком*, в самом *рынке* в *ряду Великом крамном* расположенная ... тылом прилегающая к *крамам резницким*, а мера тех *крам* есть в ширину *половина шести локтей* без *полчетверти локтя*, а в длину *семь локтей* ровно» [11, s. 310]. Мету равную «в *половину шести*» можно рассматривать как 5,5 локтей, без *полчетверти* – соответственно 5,375 локтя (по аналогии с упоминанием в московских источниках «полтрети аршина» как равную 2,5 аршинам [Каменцева, 1975, с. 84]). Размер данной лавки был около 3,5 × 4,55 м (при длине локтя 0,6496788 м) [1, с. 218]. Согласно другому описанию: «*грунт крамный* в *ряде Великом крамном* в самом *рынке* шириною *локтей* в *половину шести*, а длиною *локтей* в *половину семи*, тылом прилегающий к *крамам гончарским*» [11, s. 310, 316]. Соответственно для расчетов мы имеем 5,5 и 6,5 локтей и получаем размер около 3,6 × 4,2 м. Третье описание гласит: «в *рынке* в *ряде Великом крамном* вширь *локтей* пять без *полчетверти*, в длину *локтей* семь без *трети локтя*» [11, s. 274]. В итоге размер был около 3,1 × 3,7 м. Четвертое описание: «обе *крамы* в *рынке* в *ряде Великом крамном* вширь по *пять локтей* без *полчетверти*, а в длину по *семь локтей* без *трети локтя*» [11, s. 158-159]. Размер лавок составлял около 3,1 × 4,3 м. Обе эти лавки были восстановлены после «сожжения во время *москвы*²² старого строения» [11, s. 159]. И, наконец, пятое: «в *рынке* в *месте Полоцком* ... место на постройку *крамы* занять *сажни* две в ширину на конце *локтей соляных* возле самой *форты широкой*²³ до *ряда крамного* идучи, а длиною должна быть как другие *крамы* тут построенные» [11, s. 479]. Взяв за основу простую сажень, равную 152 см, имеем ширину чуть более 3 м.

Таким образом, примерный стандартный размер лавок был в пределах от 3,1 × 3,7 м до 3,5 × 4,55 м, т.е. площадь лавок составляла от 11,5 до 16 м². Поэтому не случайно в отдельных документах указывался единый стандартизированный размер лавок: «*крама* в *рынке* в *ряде Великом крамном*, тылом прилегающая к *крамам гончарским*... лежащий тот *грунт крамный* длиною и шириною одинаково с теми же *крамами* *поплечными*» [11, s. 154].

Некоторые лавки именовались *ятками* и исполняли те же функции на торговом месте городского рынка: «дарит на вечность место *крамное*, где построил *краму*, другое место в *ятках сажни* полторы, где *Арефа резник* сидел, также два места *сажни* три за *крамами* пана Пауковича за *городской крамой* на конце самом; *огород*, что

¹⁷ Помещение, в котором производят алкогольные напитки [Марченко, 1964, с. 180].

¹⁸ Помещение для зерна и сена [9, с. 177].

¹⁹ Здесь – изделий из сплавов на основе меди.

²⁰ Калиткой.

²¹ Яровые культуры.

²² Во время владычества в Полоцке московского войска в ходе войны 1654-1667 гг.

²³ Широкие входные ворота.

на *Малой улице пол пляца*, где *сад* был, *пляц* целый *сеножати* возле *Святого Петра*» [11, s. 137]. Церковь Святого Петра в 1618 г. упоминается на Невельском предместье, вероятно, речь идет об одной и той же церкви [6, с. 81]. Размеры ятки в приведенном тексте составляют полторы сажни в длину, а размеры крам – три, соответственно. Если принять распространенные в ВКЛ малую сажень и рижскую маховую сажень за основу (188,125 см), то получим размеры ятки и лавки, равные 2,8 и 5,6 м, что превышает расчетные размеры ранее описанных в тексте лавок в длину, и тем более в ширину [1, с. 536]. Если принять бытовавшую издревле на Руси в Московском царстве XVII в. простую сажень, равную 152 см [7, с. 86], то получим размеры, близкие к ранее приведенным: 2,28 м (половина стандартизированной длины лавки) и 4,56 м (максимальная длина лавки). Таким образом, судя по размерам и контексту упоминаний ятки не являлись временным сооружением и соответствовали размерам торговых лавок в синонимичном значении с термином «крама»: «половину *крамы ятки* своей, которая *ятка* стоит в *рынку Полоцком*, возведена в *ряде резницком* между иными *ятками*» [11, s. 501].

Упоминание «локтей соляных» и «форты широкой» свидетельствует о внутреннем устройстве рынка. В документах приводилось и упоминание широких ворот к Великому крамному ряду, вполне вероятно, что «форты широкая» была вторым меньшим входом на рынок непосредственно вблизи соляных лавок. Также на рынке каждый ряд имел специализацию: гончарский, резницкий и иные.

Ремесленные профессии. В книге упомянуты бараночник, злотник, кожемяка, кравец, кузнец, мыловар, резник, рымарь, свечник, слесарь [11, s. 111, 114, 133, 137, 174, 225, 242, 271, 278, 279, 283, 289, 310, 316, 439, 452, 498, 502, 512, 514, 517, 587]. Упомянут *купец* полоцкий, который вел дела в Гданьске, а также «*крамник с товарами людскими*», который «к Риге со *стругом* отъехать должен» [11, s. 309, 313]. Отдельно упомянуты резницкий и гончарский цехи [11, s. 257, 271].

Домашняя живность и ассортимент выращиваемых растений. В жалобе полоцкого лавника Станислава Тишкевича на Павла Бишова фигурирует весь ассортимент выращиваемых на его огороде культур: «в огород натравил *быдло*²⁴ свое, стадом *капусту*, *огурцы*, *репу*, *лук* и иные *огородные культуры* и *овощи* вытравил и копытами вытоптал» [11, s. 581]. Пчелы, яровые культуры, рожь, посадки фруктовые, овощи, конопля, сеножати, сады [11, s. 72, 137, 236, 298]. Факты осуществления потрав также позволяют раскрыть детали обустройства сада и огорода: «*свиньи его домашние* вытравили его чести *овса* немало на четырех местах за *Двиною рекою* на *Кривцовом посаде* на *пляцах чиншовых* его чести принадлежавших и также на отдельном *огороде овощей* разных в *рядках посаженных*» [11, s. 358]. Домашние животные: свинья с двумя поросятами, три коровы (свиньи и коровы – в пределах разных «господ») [11, s. 369, 489].

Движимое имущество. Ассортимент полоцких лавок зависел от специализации: гончарной, резницкой, ковальской и проч. В одной из лавок были шпильки, перстенки, бусы, ткань, в том числе «случкие пояса». Ценное имущество хранилось в «*скрыне, окованной железом*, на *замке*, в длину один *локоть* и четверть, поперек три четверти *локтя*» (около 0,81 × 0,48 м) [11, s. 286–287]. Об ассортименте ценных вещей, хранящихся в свирне одного дома, позволяет судить следующая запись: «в том *доме* в *свирне*²⁵ ... напротив на *колке* у *стены* висячих *недорыски*²⁶ две, одна большая, а другая меньшая» [11, s. 489]. Помимо этого в свирне хранились «*мед, жупан*²⁷ *лазурный тканью подбитый* поношенный с *гузиками*²⁸ *медными плоскими*, *бочка соли*, *рукавиц верхних* пары три, *пята железная конская с ключом, безмен, жита*²⁹ один *короб большой* полный насыпанный, а другой *меньший* неполный, *пшеницы солянка* полная, ... *боты* одни с *пришитыми яловицами*³⁰ новыми, а другие *цельные из яловицы, бердыш походный*» [11, s. 489]. Обратим внимание, что в тексте отдельно упомянуты отремонтированные ботинки с подшитой подошвой из коровьей шкуры и новые, цельнокроенные поршни. Наиболее упоминаемыми объектами движимого наследия и имущества по-прежнему являлась «посуда цыновая», в частности, упоминаются серебряный кубок, ложки серебряные, «*мелочь разная серебряная* в немалом количестве» [11, s. 582, 589].

Хранилось ценное имущество в домах и лавках в специальных сундуках («*скрынях*»): «сама отомкнула *скрыню* и взяла *летник*³¹ старый свой *фалендышовый*³² *фиалковый*, ... на *красном фоне* *черные узоры*, уже поношенный, *вытертый*» [11, s. 300].

Ценнейшим движимым имуществом являлся ремесленный инструмент. Михалко Слесарь «*варитат*³³ слесарский *зачынишвал*³⁴» и был «спроважен» вместе с дургими ремесленниками «в столицу Московского цар-

²⁴ Домашний скот.

²⁵ Здесь – кладовая в доме.

²⁶ шкура рыси, не имеющая полноценного меха [10, с. 94].

²⁷ Полукафтан, род сюртука.

²⁸ Пуговицами.

²⁹ Ржи.

³⁰ Подошва из коровьей шкуры.

³¹ Легкая верхняя одежда.

³² Распространенное в ВКЛ название тонкого английского сукна.

³³ Здесь – слесарский станок, конструкция кузнечного станка описана выше в актовой книге 1656–1657 гг.

³⁴ Взял в ренту.

ства» и оставил тот «*варштан*» у шуринов своих – Василя и Семена Афанасьевичей Ковалей. Данное упоминание интересно еще и тем, что по нему можно проследить происхождение отдельных фамилий ремесленного люда по роду их занятий³⁵. Интересен также и тот факт, что слесарский варштан использовался представителями смежной профессии – кузнецами.

Быт и традиции. Упомянут в актовом документе «*жупан*³⁶ для погребения тела его и для церемонии погребальной» [11, s. 300].

Про наличие устоявшейся купеческой традиции быть верным данному на словах обещанию красноречиво свидетельствует следующая запись: «для весомости досказав *цотливим*³⁷ словом купеческим как обычно между купцами заведено» [11, s. 115].

Виды преступлений и их последствия. Социология и типология преступлений в Полоцке в XVII в. была предметом рассмотрения в работах В.В. Голубовича и автора [5, с. 31, 38; 3; 4, с. 155–175]. Де-юре в качестве преступников выступали практически все слои населения: мещане, шляхта, священники, солдаты, учащиеся. Средствами преступления являлись слово и оскорбление, обрядовые предметы и предметы «порчи» (в делах о «чародействе»), разнообразное оружие, бытовые предметы и подручные материалы и проч. [3, с. 155–175].

Тем не менее, актовая книга 1676 г. позволяет существенно расширить представления о средствах и видах преступлений, орудиях преступлений, а также условиях быта и материальных объектах в месте преступления. Так, во время жарких разборок один из акторов взял и выволок «за лоб» напарника, сидящего *за столом*, а после, «выволокши на подворье *киями* истолок, избил, измордовал» [11, s. 321]. Отметим, что такое орудие избияния, как *кий* является наиболее распространенным на Полотчине того времени, если судить по записям магистратской книги: в имении в Полоцком воеводстве под названием «Цветина Конашевщизны» (*Ćwiecina Konaszewszczyzny*) упомянут лежащий на кровати избитый «киями» пан Стефан Яковицкий [11, s. 322]. Не менее драматичными были «разборки» между представительницами женского пола: «пани Шантырова *кием* избила, *ножом* хотела прибить лежачую», упомянута и драка среди мужчин с использованием кия и топора, кия с обручем, а также кия с секирой [11, s. 345, 369, 579]. Впрочем, орудием избияния могло выступать любое подручное средство, например, полено [11, s. 578]. Не менее популярным в силу распространенности орудием «змордования» был топор: пан бурмистр в слободе Бельчицкой был «*избит, измордован обухами* и без малого *на смерть ... не убит*» [11, s. 256].

Грабежи также были нередким правонарушением. Так, струг, который пришел из Риги и направлялся с товаром в Могилев, пристал к берегу Двины в Полоцке и был «*гвалтовно*³⁸ пограблен». В частности «пограблена» бочка вина мерою «четырнадцать *гарнецов*³⁹». Объектами грабежей являлись и вполне конкретные личности. Так, шляхтич Самуэль Терейковский «имел свою необходимость на день *кирмашовый*⁴⁰» в Полоцк приехать и остановиться «в *госпде*⁴¹ на *местечке Якимани* ... отцов иезуитов *коллегиума полоцкого*» в доме мещанина экиманьского Михалки Чорного [11, s. 104]. В тот же день «справив свои дела на *рынке*, понакупив *начыння*⁴² себе» ночью к дому на Экимани возвращался, где «с *людьми пристойными* посиделки имел» [11, s. 104]. В ту же ночь Самуэль Терейковский был «пограблен» челядью пана Островского. Из «пограбленных вещей» названы следующие: конь с седлом и уздечкой, сабельные ножны, шапка «*фалендышевая*»⁴³ бордовая лисьим мехом обшитая. Самого же шляхтича Терейковского «*киями, обухами* с чем кто мог *избили* и *измордовали*» [11, s. 104].

Из пригородных полоцких имений Коптево и Оходно (ныне деревни Коптево и Охотница) «*жито пожавши* и *пограбивши* и на *возы* поклавши к *дому* своему в *месте Полоцком* на *Заполотье* спровадили. Одно *жито* на *стадоле*⁴⁴, а другое в *гумно*⁴⁵ в *скирды* сложил» [11, s. 567]. Как следует из текста, на Заполотском посаде имелись специализированные сельскохозяйственные строения – гумна и столоды.

Наконец, объектом грабежей были денежные средства, поступившие в результате сбора налогов: «*налоги сплава водного* собирал ... на *положенном месте* на *улице Великой* в *Полоцке* в своей *госпде*⁴⁶ ..., где *стругов витебских* ... для *отправления* ... немало собралось, *пенязи* на предмет *наличия* на *столе* отсчитывали, а через *ворота* открытые, где *товары купеческие* располагались ... под *самыми окнами* той *избы*, где *купцов* отправляли, тотчас приложив *ружья* к *окнам* *окна* *повыстреливали*» [11, s. 412]. В итоге людей избивали, «измордовали» и пенязи «пограбили».

³⁵ Аналогично происхождение иных фамилии мещан от рода занятий, например, Иван Иванович Мыдляр [11, s. 498].

³⁶ Жупан – верхняя одежда, род сюртука.

³⁷ Чистым, непорочным.

³⁸ Против воли, насильственно.

³⁹ Гарнец – мера емкости жидкости и сыпучих веществ [1, с. 513].

⁴⁰ Ярморочный.

⁴¹ Здесь слово «господа» употребляется в смысле «гостиница», «временное жилье» [9, с. 172].

⁴² Вещей, мелких товаров.

⁴³ Суконную.

⁴⁴ Постройка при гумне [9, с. 185], в данном документе – постройка для сушки сена, зернового хлеба.

⁴⁵ Здесь – помещение для молотбы, ток.

⁴⁶ В данном значении термин употребляется как «домохозяйство».

Объектами кражи из торговых объектов на городском рынке являлись разнообразные вещи. Осуществлялись кражи нередко спланированным способом с масштабными последствиями (вынос всего товара или его части), а также спонтанно, например, путем хищения какой-либо определенной вещи. Расследования масштабных хищений позволяет нам воссоздать полную картину ассортимента торговых объектов и, что немаловажно, их обустройства. Так, торговые объекты в Полоцке XVII в. именовались *крамами* (лавками). Кражи осуществлялись разнообразными способами: «с утра пришедши к *краме рукавицы* ухватил, а *укравши* из *крамы* выбежал». Крамник, увидев кражу, выбежал за воров, прося «гвалту не чинить» и «рукавицы вернуть», последний отрицал вину и обвинял крамника, что тот его напрасно «*срамотил*» и «гнался за ним как за *гультаем*⁴⁷ каким-нибудь» [11, с. 314–315].

«*Срамотить*» (в значении «оскорблять») полочане могли друг друга «*словами брыдкими*», при этом нередко угрожая «*убить насмерть*» [11, с. 285]. Также оскорбительными ругательствами были такие, как «*посылать к матери*», называть «*неучтивым сыном матери*», применять «*лжение словами неучтивыми*» и «*иными словами брыдкими корчемными титуловать*» [11, с. 281, 565, 589]. Наряду со «словами брыдкими» не менее оскорбительными были и некоторые жесты: «и всех вас, панов радных, за *блаженных* принимал, за *смердов*, *фиги* каждому выставил» [11, с. 565].

Некоторые преступления могут вполне лечь в основу сценария художественного фильма. Так, «челядь военная», будучи «сильно на подпитку» устроила стрельбу и убила невинного человека – студента полоцкого иезуитского коллегіума Андрея Юткевича. Трагедии предшествовало застолье в «*доме шынковым*»⁴⁸ полоцкого мещанина Афанасия Клыпы, где уже бывшие в нетрезвом виде солдаты заказали два гарнца пива и приказали еврею Зеликову играть на скрипке. Также солдаты потребовали, чтобы к ним «для танцев» пришла дочь хозяина заведения, на что Клыпа ответил: «*маю дочь свою не для танцев, а для помощи в хозяйстве, к тому же у меня дочь в летах недорослых*⁴⁹» [11, с. 247]. После данного заявления в доме начался пьяный дебош, Клыпа с женой и дочерью был вынужден скрыться в пивнице⁵⁰. Обстоятельства бегства Клыпы раскрывают особенности обустройства двора и помещений мещанской усадьбы – вначале он «открыл через *оконце* первую в *сенях* *дверь*, а после и в *коморе* в *сенях*» [11, с. 248]. В данном случае комора в сенях – это маленькое помещение, сродни чулану, в котором Клыпа с женой и дочерью закрылся изнутри. При этом в доме остался мальчик-подросток, родственник Афанасия Клыпы для разноса пива, которого изрядно выпившие солдаты заставили танцевать с ними вместо сбежавшей дочки хозяина. Исчезновение дочери и самого хозяина вскоре стало очевидным и солдаты ринулись искать пропажу, для чего полезли в комору и стали криком звать хозяина. Не обнаружив хозяина, челядь вывалилась на улицу и устроила стрельбу, в результате которой погиб случайный прохожий.

Упоминание функционального назначения коморы находим и в иных документах Книги: «*коморы полоцкой на улице Великой дома в Полоцке* стоящего... В *избе* *окно* *стеклянное* *повыстрелено*, *две пули* в *стене* *коморы*, *на крыльце* в *доске* *также* *пуля* *одна*, в *воротах* *больших* *въездных* к *тому* *дому* *пули* *две* и *саблями* *сечеными*» [11, с. 418].

Во дворе Березово Полоцкого воеводства, что располагался на Невельском тракте, злодеи «отбили замки к *свирам*⁵¹, а после к *скрыням* добравшись выняли *шкатулы* *скрынные*⁵², забрали *пенези* *червонные*, *золотые* и *копейки*, *перлы*⁵³, *перстни* и *мелочи* *золотой*, *серебра* *разного*, *сукенки*⁵⁴» [11, с. 583].

Отдельно упомянем вид экономического преступления, связанного с невыполнением цехового устава. Как следует из жалобы резницкого цеха на члена корпорации Кондрата Глинку, тот покупал домашний скот тайным способом «у *прасел*⁵⁵, по *домам* и *господам*⁵⁶», а не на рынке и «не в *торгу*, как по *уставу*⁵⁷ и *обычаю*⁵⁸» [11, с. 271].

И, конечно, нельзя обойти стороной такое специфическое правонарушение, как чародейство, характерное для средневековой эпохи и эпохи Раннего Нового времени: «*дед* и *баба* *чародейством* до *тяжкого* *нездоровья* довели» [11, с. 484].

Последствия преступлений, помимо прочего, вели прямой дорогой к заточению в тюрьме. По записям Книги известно, что после войны городская тюрьма располагалась на Верхнем замке, тогда как уже в 1683 г. турма была при ратуше [5, с. 43]. Документы Книги 1676 г. представляют любопытные сведения о данном заведении на основании «осмотра *турмы* в *замке* *Вышнем* *полоцком* *мурованной* *стоящей*» [11, с. 442]. В тюрьме

⁴⁷ Гультай – уничижительное название бедной части населения белорусских городов в XVI – XVIII вв. [8, с. 58–60].

⁴⁸ Т.е. в корчме.

⁴⁹ Несовершеннолетних.

⁵⁰ Здесь – погреб для хранения хмельных напитков.

⁵¹ Здесь – кладовая, чулан.

⁵² Часто упоминаемая в полоцких документах XVI–XVIII вв. шкатулка для украшений из цветных металлов, как правило, бронзовых, серебряных и золотых, хранилась, как правило, в больших «*скрынях* *скарбовых*», реконструкция размера одной такой большой «скрыни» нами приведена выше.

⁵³ Жемчуга.

⁵⁴ Женские платья.

⁵⁵ В значении «у стен».

⁵⁶ Господа – здесь данный термин означает «хозяйство» [9, с. 172], поскольку термин «дом» в значении «жилище» в документе назван первым.

⁵⁷ Цеховой устав.

⁵⁸ Традиционное право.

«видели мы *двери* выломанные, *защепки* разбитые, *замки* на тех *защепках* и *пробои* *обухами* битые, *завеса* *большая* при тех *пробоях* сломана» [11, s. 442]. Охрану тюрьмы несли пушкари Верхнего замка, а само здание тюрьмы было «мурованым», т.е. из кирпича и камня. В результате выяснения обстоятельств нападения на тюрьму выяснилось, что одного из узников «*шкодника* пана Павловского» ночью «на себе вынесли *спешным бегом* не открывая *брамы*, которая *завесой* замкнута была, в *замок* ведущей от *Двины* через *фортку* ... сами к *фортке* около *вала* побежали» [11, s. 442].

Таким образом, можно понять, что тюрьма располагалась недалеко от вала Верхнего замка со стороны реки Двины, что помимо «большой брамы» в стене замка была «фортка», которой и воспользовались похитители. Данная «фортка», согласно еще одной записи, также была заперта: «*выломав фортку от Двины реки тайно к Замку Вышнему Полоцкому* ... напали молча на *замковую стражу* при *браме въездной замковой*» [11, s. 440].

Заключение. Информация о повседневной жизни населения Полоцка, полученная из Книги 1676 года, весьма обширна, и касается различных ее аспектов. Выделим главные.

Несомненный интерес представляют топографические наблюдения. Так, Свято-Покровская церковь, неоднократно перестроенная и сохранившаяся до наших дней, впервые упомянута вместе с обширным некрополем при ней. Локализована Вознесенская церковь и церковь Святого Ильи вблизи улицы Ильинской на Великом посаде, при церквях упомянуты обширные некрополи. Впервые упомянута улица Рождественская при церкви Рождества Христова, при этом церковь к моменту упоминания была уже разрушена, а улица получила соответствующее название. Улица Спасская имела выход к Нижнему замку, а улица Малая достоверно локализована с внешней стороны вдоль паркана. Сам же паркан находился на краю оборонительного рва и вала и, хотя и являлся уже «бывшим», тем не менее, по-прежнему служил маркером границы города, за которым уже располагались огороды и выпасы. Район Великого посада под названием «Плиговки» можно уверенно локализовать на северной его окраине.

Синонимичным значением термина «пляц» был «грунт». Разница между ними, по нашему наблюдению, заключалась в том, что «пляц» обозначал, помимо прочего, конкретную величину надела. «Грунт» же выступал в значении конкретного места, на котором расположено недвижимое имущество, сеножать, огород, сад. При этом именно пляц был мерой стабильной и неизменной, «*мерой ратушной звыклой*».

Впервые из обработанного массива письменных документов в актовой книге 1676 года находим упоминание парома как средства переправы на так называемых перевозах реки Двины.

Отдельные документы наиболее полно характеризуют обустройство городского рынка, который располагался на месте нынешней площади Свободы, возле ратуши. Рынок был огорожен, имел несколько рядов, главным из которых был «ряд Великий». Вход в Великий ряд вел через большие ворота. Также по данным магистратской книги можно судить о размере отдельных торговых лавок. примерный стандартный размер лавок был в пределах от 3,1 × 3,7 м до 3,5 × 4,55 м, т.е. площадь лавок составляла от 11,5 до 16 м². Поэтому не случайно в отдельных документах указывался единый стандартизированный размер лавок. Некоторые лавки именовались ятками и исполняли те же функции на торговом месте городского рынка. Упоминание «локтей соляных» и «форты широкой» свидетельствует о внутреннем устройстве рынка. В документах приводилось и упоминание широких ворот к Великому крамному ряду, вполне вероятно, что «форта широкая» была вторым меньшим входом на рынок непосредственно вблизи соляных лавок.

В Книге упомянуты ремесленные профессии: бараночник, злотник, кожемяка, кравец, кузнец, мыловар, резник, рымар, свечник, слесарь. Отдельно упомянуты резницкий и гончарский цехи. Изобилует книга упоминаниями садовых культур и домашних животных. Полочане выращивали различные культуры как в поле на наделах, так и на грядках вблизи домов в городской черте. Богата книга на описание недвижимого имущества, среди последнего ценнейшим являлся ремесленный инструмент, дорогие вещи из драгоценных металлов и так называемой цыны (сплавов на основе меди). И, наконец, книга изобилует документами о криминальных делах, благодаря которым мы можем воссоздать детальную картину отдельных аспектов жизни полочан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. У 2 т. – Т. 1: Абаленскі – Кадэццыя / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – 688 с.
2. Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. У 2 т. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – 792 с.
3. Галубовіч, В.У. *Miscellanea historica polocensia = Даследаванні па гісторыі Полаччыны XII – XVII стст.* / В.У. Галубовіч. – Гродна : ГДАУ, 2014. – 224 с.
4. Галубовіч, В.У. *Злачынцы ў Полацку, альбо да сацыялогіі і тыпалогіі злачыннасці ў другой трэці XVII ст.* / В.У. Галубовіч // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч.* – Полацк : НППКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 94–107.
5. Дук, Д.У. *Полацк XVI – XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада* / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.
6. Дук, Д.У. *Полацк і палачане (IX – XVIII стст.)* / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
7. Каменцева, Е.И. *Русская метрология : учеб. пособие* / Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 1975. – 328 с.
8. Копыцкий, З.Ю. *Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в.* / З.Ю. Копыцкий. – Минск : Наука и техника, 1966. – 227 с.

9. Марченко, Е. Из истории бытовой лексики в белорусском языке (на материале деловых памятников Великого княжества Литовского 15-16 вв.) / Е. Марченко // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Kalbotyra. – 1964 – Jilid X. – S. 167–192.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 11. – М. : Наука, 1986. – 456 с.
11. Księga magistratu miasta Połocka z 1676 roku / opracowali Maksim Makarau, Dzianis Liseichykau, Andrei Latushkin / red. Tomasz Kempa. – Toruń : Wydawnictwo naukowe Uniwersitetu Nikołaja Kopernika, 2020. – 679 s.

Поступила 28.10.2021

**OBSERVATIONS ON THE EVERYDAY LIFE OF POLOTSK
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF POLOTSK MAGISTRATE'S BOOK OF ACTS FOR 1676)**

D. DUK

The book of the Polotsk Magistrate of 1676 describes the events of the return of Polotsk to the Polish – Lithuanian Commonwealth after the war of 1654 – 1667. The last war largely left its mark on the daily life of the city, many urban areas were abandoned. The book presents a number of documents related to the events of the last war to one degree or another: these are the outrages of military men, and the low moral character of some of them, and evidence of the fires of once developed and rich estates, and the desolation of gardens and vegetable gardens in Zapolotsky and Krivtsovo posad, as well as the memory of the expulsion of artisan people with their expensive tools and machines to the capital of the Moscow Kingdom. At the same time, it is obvious that life in post-war Polotsk continued in accordance with the "Magdeburg law" and the laws of the developed trade and craft center INCL.

Keywords: *The book of the Polotsk magistrate, the history of Polotsk, Magdeburg law, the history of everyday life.*